

ЭЛИЗАБЕТ ХОЙТ

СКАНДАЛЬНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

X70

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Elizabeth Hoyt

NOTORIOUS PLEASURES

Перевод с английского *И. Г. Ирской*

Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства

Grand Central Publishing,

New York, New York, USA

и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хойт, Элизабет.

X70

Скандальные наслаждения : [роман] / Элизабет Хойт ; [перевод с английского И. Г. Ирской]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-164111-5

Красавица Геро Баттен, безупречная леди лондонского света, готовится стать супругой столь же безупречного, хотя и безумно скучного маркиза, но однажды встречает его младшего брата, знаменитого повесу Гриффина Реммингтона, лорда Рединга...

Гриффина уж никак не назовешь безупречным: скандальная слава, буйные проказы, необузданный нрав. Что общего у такого человека с благовоспитанной девицей? Однако очень скоро Геро и Гриффин, постоянно ведущие словесную дуэль, вынуждены признать: они безумно влюблены друг в друга и от этой любви никуда не скрыться...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Nancy M. Finney, 2011

ISBN 978-5-17-164111-5

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Глава 1

Однажды в одной стране на другом конце света жила королева, красивая и мудрая. Звали ее Черновласка...

*Из сказки «Королева с черными
как вороново крыло волосами».*

*Лондон,
октябрь 1737 года*

Дочь герцога с раннего детства обучается всевозможным правилам этикета. На каком блюде подается жареная птица. Когда стоит поздороваться с сомнительной вдовствующей графиней, а когда посмотреть сквозь нее. В каком наряде кататься в лодке по Темзе и как отразить на пикнике ухаживания подвыпившего малообеспеченного графа.

Все это леди Геро Баттен прекрасно знала. Вот только как обратиться к джентльмену, который с жаром занимается любовью с чужой замужней леди?

Геро громко хмыкнула, устремив глаза к лепным грешам на потолке.

Парочка на диване ее не услышала. Дама по-прежнему издавала пронзительные вопли из-под задранных на голову юбок в ужасную красно-коричневую полоску.

Геро вздохнула. Она находилась в полутемном маленьком салоне рядом с библиотекой Мэндевилл-Хауса. И угораздило же ее зайти как раз в эту комнату, чтобы поправить чулок! Зайди она в голубую восточную гостиную, ее чулок был бы уже в порядке, а она благополучно вернулась бы в бальный зал подальше от этой неприличной сцены.

Она опустила глаза. Джентльмен был в белом парике. Он снял расшитый шелковый фрак и остался в сорочке и ярком, изумрудного цвета жилете. Панталоны и нижние

штаны были расстегнуты, и перед глазами Геро то и дело мелькал его голый мускулистый зад.

Как это ни печально, но Геро не могла отвести глаз от этого зрелища. Кем бы ни был этот джентльмен, его любовный азарт завораживал.

Геро отвела глаза и с тоской оглянулась на дверь. Может, она не поступит дурно, если тихонько, на цыпочках, выйдет отсюда? Она бы так и поступила, как только вошла, если бы двумя минутами ранее не увидела в коридоре лорда Пембрука. А еще раньше не отметила, какое уродливое, с красно-коричневыми полосками платье на леди Пембрук. Геро совсем не хотелось ставить себя в неловкое положение, но ее собственные чувства казались ей куда менее важными по сравнению с вероятной дуэлью и последующими расспросами, или даже смертью двоих джентльменов.

Придя к такому заключению, Геро вытащила из мочки уха бриллиантовую сережку и воткнула ее прямо в зад джентльмена. Она всегда гордилась своей меткостью, и сейчас ее сноровка была вознаграждена громким мужским воплем.

Незнакомец выругался и обернулся, глядя на нее через плечо восхитительно красивыми светло-зелеными глазами. Подобных глаз она никогда ни у кого не видела. Красавцем такого не назовешь — слишком широкие скулы, нос кривой, а губы чересчур тонкие и цинично изогнутые, зато глаза... Перед ними не устоит ни одна женщина, молодая или старая.

Когда он увидел Геро, его гневный взгляд сделался веселым.

— Я занят, — хриплым голосом заявил он.

У Геро загорелись щеки. Ситуация на самом деле переходила все границы. Но тем не менее она встретилась с ним взглядом, изо всех сил стараясь не опускать глаз ниже.

— Я заметила, — сказала она, — однако сочла, что вам следует знать...

— А вы, случайно, не принадлежите к особам, которым нравится за этим наблюдать?

Теперь ее лицо запылало, но Геро не собиралась позволить этому наглецу одержать над ней верх. Она с презрением оглядела помятый жилет и сорочку — к счастью, полы сорочки наполовину скрывали расстегнутые штаны. Любезно улыбнувшись, она произнесла:

— Я предпочитаю развлечения, в которых мне не грозит возможность заснуть.

Она ожидала вспышки гнева, но проказник лишь зашелкал языком.

— Похоже, с вами такое частенько случалось, дорогая? — Его голос звучал вкрадчиво, а на щеке появилась ямочка. — Уснуть, когда все только начинается? Ну, в этом виноваты не вы. Это вина джентльмена, а не ваша.

Господи, никто никогда с ней так не говорил!

Геро медленно изогнула бровь. Это всегда производило впечатление — даже на светских матрон. Она практиковалась в этом искусстве перед зеркалом начиная с двенадцатилетнего возраста.

Но демонический джентльмен и глазом не моргнул.

— Моим дамам такие неприятности не грозят, — растягивая слова, произнес он. — Оставайтесь и посмотрите — даю слово, это поучительно. А если у меня еще останутся силы, то я могу показать...

— В коридоре лорд Пембрук! — выпалила Геро, прежде чем он закончил свое нечестивое предложение.

Гора красно-коричневой материи закачалась.

— Юстас здесь?

— Да. И направляется прямо сюда, — сообщила Геро с некоторой долей злорадства.

Джентльмен встрепенулся, выпрямился и опустил юбки дамы. Перед глазами Геро мелькнули полные белые ляжки. Незнакомец подхватил фрак, быстро оглядел комнату, затем повернулся к Геро и произнес медленно и спокойно:

— У леди Пембрук порвалась лента или кружево. Или еще что-то, а вы любезно согласились ей помочь.

— Но...

Он зажал ей губы пальцами, теплыми, большими и такими... Господи, какими же... В ту же минуту из коридора раздался мужской голос:

— Белла!

Леди Пембрук — или Белла — в страхе что-то пропихивала.

— Вот хорошая девочка, — шепнул Геро негодник. Повернувшись к леди Пембрук, он звонко чмокнул ее в щеку и, со словами: «Будьте осторожны, дорогая», скрылся под диваном.

У Геро была лишь минута понаблюдать, как смазливое лицо леди Пембрук посерело, когда та полностью осознала грозившую ей опасность, услышав, как со стуком распахнулась дверь.

— Белла! — Лорд Пембрук, огромный мужчина с красным лицом, был явно не трезв. Он воинственно огляделся, держа руку на шпаге. И застыл в оцепенении, увидев Геро. — Миледи, что...

— Лорд Пембрук. — Геро встала перед диваном, закрывая широкими юбками вылезавший оттуда большой каблук мужского башмака.

Она снова выразительно изогнула левую бровь, и... лорд Пембрук был сражен и отступил назад.

Геро почувствовала удовлетворение. Хотя на этого джентльмена ее искусство произвело впечатление!

Заикаясь, лорд Пембрук произнес:

— Я... я...

Геро повернулась к леди Пембрук и дотронулась до ужасной желтой тесьмы, которой был отделан рукав ее платья.

— Все в порядке, как мне кажется.

Потрясенная, леди Пембрук с трудом выговорила:

— О! О да, благодарю вас, миледи.

— Пожалуйста, — пробормотала Геро.

— Ты закончила, моя дорогая? — произнес лорд Пембрук. — Если да, то, может, мы вернемся в зал?

Хотя его слова подразумевали вопрос, тон был совсем не впросительный.

Леди Пембрук покорно взяла его под руку.

— Да, Юстас.

И коротко поклонившись, оба вышли.

Почти тут же Геро почувствовала, как ее дернули за юбку.

— Эй! Я здесь чуть не задохнулся.

— Они могут вернуться, — напомнила Геро.

— Мне кажется, я вижу, что у вас под юбкой.

Она торопливо отодвинулась.

Негодник выкатился из-под дивана и встал, нависая над ней.

Геро не испугалась и гневно посмотрела на него.

— Вы не...

— Ну-ну. Если бы я что-то увидел, то неужто вы думаете, я бы вам об этом сказал?

Геро фыркнула. Неужели она сейчас похожа на кузину Батильду с ее резонерством?

— Не сомневаюсь, что вы стали бы этим хвастаться.

Незнакомец наклонился к ней и усмехнулся:

— А разве эта мысль вас не возбудила?

— А ваш парик вам не жмет?

— Что?

— Мне показалось, что у вас распухла голова и кости давят на мозги.

— У меня не только голова огромного размера, уверяю вас, — с ухмылкой произнес он. — Может, поэтому вы сюда пришли? Чтобы тайком подглядеть?

Геро сделала квадратные глаза.

— У вас что, нет ни капли стыда? Большинство мужчин по крайней мере сделали бы вид, что они смущены, если бы их застали за таким греховным занятием, а вы... Вы стоите, распушив хвост как петух, как ни в чем не бывало.

Незнакомец застыл, надевая фрак — одна рука наполовину в рукаве.

Посмотрев на нее своими красивыми зелеными глазами, он произнес:

— Ну конечно. Читаете мне мораль. Разумеется, чувствуете свое превосходство...

— Я видела, как вы занимались прелюбодеянием.

— Вы видели, как я с удовольствием трахался, — подчеркнуто медленно сказал он.

Геро поморщилась от его грубости, но ее было не так легко смутить. Она — дочь герцога и не намерена бояться такого наглеца, как этот тип.

— Леди Пембрук замужем.

— У леди Пембрук было множество любовников до меня и будет столько же после меня.

— Это не искупает вашего греха.

Он посмотрел на нее и рассмеялся:

— А вы женщина без греха?

Ей даже не надо было думать, чтобы ответить:

— Естественно.

Губы у него скривились.

— Какая уверенность!

Оскорбленная, Геро уставилась на него.

— Вы сомневаетесь?

— О нет, что вы! Я абсолютно уверен, что греховная мысль ни разу не посетила ваш благочестивый умишко.

Геро задрала подбородок, чувствуя приятное волнение, — она еще никогда не спорила с джентльменом, не говоря уже о незнакомом мужчине.

— А я начинаю сомневаться в том, что хоть какая-то праведная мысль посетила ваш бессовестный умишко.

Незнакомец внимательно на нее посмотрел, и у него дернулась скула. Вдруг он внезапно ей поклонился:

— Благодарю вас за то, что вопреки вашим правилам вы спасли меня от убийства лорда Пембрука.

Геро натянуто кивнула.

— И очень надеюсь, что наши пути никогда не пересекутся, миледи Совершенство.

Геро почему-то стало обидно от его слов, но она, разумеется, этого не показала.

— Я, несомненно, буду молиться о том, чтобы избежать несчастья еще раз встретиться с вами, милорд Бесстыдство.

— Значит, мы договорились.

— Абсолютно.

— Хорошо.

Геро не отрываясь смотрела на него. Грудь сдавили косточки корсета, потому что она слишком часто дышала. Щеки горели от волнения. В пылу спора они приблизились друг к другу, и незнакомец почти касался кружева на лифе ее платья. Он тоже не сводил с нее глаз... таких ярко-зеленых на уродливом лице. Его взгляд упал ей на рот. Геро разомкнула губы и... забыла сделать вдох.

А он повернулся, шагнул к двери и исчез в полутемном коридоре.

Геро перевела дух и оглядела комнату. На стене висело зеркало, она подошла и вгляделась в свое отражение. Рыжие волосы по-прежнему изысканно уложены, нарядное серебристо-зеленое платье в полном порядке. А вот щеки порозовели, хотя ей это идет. Странно, но она, кажется, ничуть не изменилась.

Что ж, это хорошо.

Геро расправила плечи и быстро вышла из комнаты грациозной походкой. Сегодняшним вечером ей, как никогда, важно выглядеть безукоризненно во всех отношениях. Ибо сегодня будет объявлена ее помолвка с маркизом Мэндевиллом.

Геро подняла подбородок, вспомнив усмешку незнакомца, когда он назвал ее леди Совершенство. Что он может иметь против совершенства?

«Пусть катятся к черту все самодовольные, идеальные женщины — и та рыжеволосая девица в особенности».

Лорд Гриффин Рединг шел в бальный зал в отвратительном расположении духа. Чертова девчонка! Посмела стоять с осуждающим видом и презрительно на него смотреть. На него! Она скорее всего ни разу не ощутила нормального человеческого порыва за всю свою безмятежную жизнь, оберегаемая от всяческих забот и тревог. Единственным свидетельством того, что она смутилась, были розовые пятна — они расплзлись у нее по бледной нежной шее, когда она в упор смотрела на него. Гриффин хмыкнул. Этот осуждающий взгляд вполне способен задеть мужскую гордость.

Однако его охватили чувства совершенно противоположные, и не из-за того, что он не достиг полного удовлетворения с Беллой. Конечно, возможность быть застигнутым врасплох разгневанным мужем с последующей кровавой дуэлью на рассвете основательно охладила его пыл. И к тому моменту, когда он вылез из-под дивана, он полностью успокоился. Правда, это было до словесной перепалки с мадам святошей. Он тогда почувствовал сильное напряжение в паху — видно, атрибут его мужской силы ожидал, что хозяин перейдет к постельным играм, несмотря на очевидную благопристойность, а также враждебность дамы и его собственную неприязнь к ней.

Гриффин задержался в темном углу коридора, чтобы успокоиться. Он нащупал у себя в кармане бриллиантовую сережку, которую нашел под диваном и намеревался вернуть леди Совершенство еще до того, как ее острый язычок заставил его забыть об этом. А теперь пусть остается без сережки — так ей и надо за то, что нагрубила джентльмену.

Гриффин повел плечом. Когда он полчасика назад ступил в бальный зал, у него даже не хватило времени поздороваться с матерью и сестрами, поскольку Белла перехватила его и завлекла в гостиную. Знай он, что ее муж

тоже на балу, он ни за что не позволил бы заманить себя на столь опасное любовное свидание.

Гриффин вздохнул. Поздно заниматься самобичеванием. Лучше забыть досадный эпизод как можно скорее. Мегс и Кэролайн, вероятно, не придали значения его исчезновению, а вот мать наверняка зорко за ним следила. От нее так легко не отделаешься. Гриффин поправил шейный платок и вошел в зал.

Свет струился из хрустальных канделябров высоко над головой, освещая огромное сборище гостей. Это станет событием светского сезона, и ни один представитель лондонского высшего общества ни за что его не пропустит. Гриффин протискивался сквозь красочно разодетую толпу, то и дело останавливаясь, чтобы поздороваться со старыми приятелями и едва знакомыми людьми.

— Как хорошо, что ты пришел, дорогой, — раздался сбоку взволнованный голос.

Гриффин отвернулся от двух жеманных юных особ, которые преградили ему путь, и наклонился к матери, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Мама, рад тебя видеть.

Вежливые слова скрывали неожиданно нахлынувшие на него чувства. Он отсутствовал в Лондоне почти год, и прошло уже восемь месяцев после того, как мать приезжала к нему в родовое поместье в Ланкашире. Гриффин, склонив голову набок, смотрел на мать. В ее красивых волосах, спрятанных под изящным кружевным чепцом, появилось чуть больше седых нитей, однако столь дорогое ему лицо не изменилось. Смешливые морщинки вокруг карих глаз, мягкие складки губ прячут добрую улыбку, прямые брови едва заметно изгибаются, когда она видит что-либо занятное...

— Ты такой загорелый, как спелый орех, — тихо произнесла она и коснулась пальцем его щеки. — Наверное, много времени проводил, объезжая уголья.

— Ты, как всегда, догадлива, дорогая mater*, — сказал он, предлагая ей руку.

Она взяла его под руку и спросила:

— Как урожай?

В висках больно запульсировало, но ответил Гриффин весело и беспечно:

— Довольно приличный.

— В самом деле? — Взгляд матери был озабоченным.

— Лето выдалось сухое, поэтому урожай меньше, чем ожидалось. — На самом деле в результате засухи почти весь урожай погиб. Их земли вообще не отличались плодородием — это мать уже знала, — но незачем заставлять ее волноваться. — Не беспокойся, нам хватит зерна. — Гриффин не уточнял, что он делает с зерном. Это — его крест, который он несет ради матери и всей семьи.

Похоже, ответ ее успокоил.

— Хорошо. Лорд Боллингер проявляет интерес к Маргарет, и ей понадобятся новые наряды в этом сезоне. Я бы не хотела превышать наши доходы.

— Не волнуйся, — ответил он, быстро сделав в уме подсчеты. Как всегда, это окажется не просто, но он сумеет достать деньги... если только ему не будут угрожать дальнейшие потери. Боль в висках становилась сильнее. — Купи Мегс все, что она захочет. Семейный кошелек это вынесет.

Складка между материнских бровей разгладилась.

— И конечно же... Томас.

Гриффин был готов к разговору о брате, но все-таки напрягся. Мать, разумеется, это почувствовала.

— Я так рада, что ты приехал, Гриффин. Пришло время оставить позади вашу небольшую размолвку.

Гриффин хмыкнул. Едва ли его брат счел их разногласия «небольшой размолвкой». Томас всегда соблюдал

* mater (лат.) — мать, матерь (ср.: альма-матер) — школьный жаргонизм. (Здесь и далее примеч. перев.)

приличия и не спорил с Гриффином по мелочам. Для такого благовоспитанного человека, как Томас, снизить до спора по незначительному поводу означало бы дать волю чувствам, что абсолютно невысказано. На мгновение серые, широко раскрытые глаза леди Совершенство пришли ему на ум. Она уж, несомненно, прекрасно поладила бы с его чопорным братом.

— Я с удовольствием поговорю с Томасом. — Гриффин постарался изобразить удовольствие.

Мать нахмурилась. Да, пожалуй, ему предстоит потрудиться над выражением своего лица.

— Ему тебя не хватает, — сказала она.

Он с удивлением посмотрел на нее.

— Да, это так, — стояла на своем мать, но Гриффин заметил у нее на щеках два красных пятна — даже мать не была уверена в том, как Томас примет брата. — Это охлаждение должно кончиться — оно вредит семье, вредит вам обоим и мне. Я не понимаю, почему это длится так долго.

Краем глаза Гриффин заметил бледно-зеленое платье. Он повернулся, и сердце у него подпрыгнуло. Но дама в этом платье уже скрылась из виду.

— Гриффин, куда ты смотришь? — шикнула на него мать.

Он улыбнулся:

— Прости, мне показалось, будто я увидел особу, которую мне хотелось бы избежать.

— Я уверена, что здесь достаточно дам с дурной репутацией, которых тебе следует избегать.

— Вообще-то у этой дамы как раз безупречная репутация, — возразил он. Рука нашла в кармане маленькую бриллиантовую сережку. Надо вернуть ей это.

— Да? — Гриффин надеялся, что мать отвлеклась от своего горячего призыва примирить братьев, но она покачала головой и сказала: — Не пытайся уйти от разговора. Вот уже три года, как у вас с Томасом длится эта несчастная размолвка. Вы истрепали мне все нервы. Не ду-

маю, что вынесу хоть еще одно ледяное письмо, которыми вы обмениваетесь, или обед, на котором мне приходится следить за каждым своим словом из-за страха затронуть в разговоре неподходящую тему.

— Матер, будет мир, — засмеялся Гриффин и нагнул-ся, чтобы поцеловать ее в щеку. — Мы с Томасом пожмем друг другу руки и помиримся, как послушные маленькие мальчики. И ты будешь обедать с нами обоими, пока я в Лондоне.

— Обещаешь?

— Клянусь честью. — Гриффин положил руку на грудь. — Я буду так любезен и мил, что Томас не сможет удержаться, чтобы не броситься ко мне с выражениями братской любви.

— Хм. Надеюсь на это, — вздохнула мать.

— Ничто на свете не остановит меня на этом пути, — весело заверил ее сын.

— Ты счастлива?

Геро повернулась на звук низкого мужского голоса и увидела своего дорогого старшего брата Максимуса Баттена, герцога Уэйкфилда. На секунду она растерялась, не сразу поняв, о чем он. За те два месяца, которые заняло устройство помолвки с маркизом Мэндевиллом, Максимус несколько раз задавал сестре вопрос, довольна ли она этой партией, но ни разу не поинтересовался, счастлива ли она.

— Геро? — Максимус сдвинул темные брови.

Она часто думала о том, что внешность Максимуса полностью соответствует его высокому титулу. Если закрыть глаза и нарисовать портрет идеального герцога, то получится Максимус. Он был высок, с широкими, но не массивными плечами, лицо удлинненное и худое, и чуть более высокомерное, чтобы быть по-настоящему красивым. Темно-каштановые волосы он стриг коротко, поскольку носил безукоризненный белый парик.

Глаза тоже темные, карие. Карие глаза часто называют теплыми, но одного взгляда Максимуса достаточно, чтобы вывести из заблуждения человека, который так считает. Теплота — это последнее, что можно сказать о герцоге Уэйкфилде. Однако, несмотря ни на что, он ее брат.

Геро улыбнулась ему:

— Да, я абсолютно счастлива.

Неужели в строгих глазах промелькнуло облегчение? На секунду она ощутила раздражение. До сего момента Максимус ни разу не дал ей понять, что в этом браке ее счастье имеет значение. Соединение земель и интересов, усиление его парламентского альянса с Мэндевиллом — вот что принималось во внимание. Ее чувства — Геро прекрасно это сознавала — не имели никакого значения в переговорах. Но ее это не огорчало. Она была дочерью герцога и с колыбели знала свое место и предназначение в жизни.

Максимус, сжав губы, оглядывал толпу гостей в зале.

— Я хочу, чтобы ты знала — у тебя еще есть время передумать.

— Разве? — Геро тоже окинула взглядом зал. Мэндевилл-Хаус был изысканно украшен. Голубые и серебряные гирлянды — фамильные цвета Баттенов — переплетались с алыми и черными — Редингов. Вазы с розами стояли на каждом столе, и маркиз нанял и экипировал целую армию лакеев. Геро взглянула на брата.

— Контракт обговорен и уже подписан.

Максимус нахмурил брови, демонстрируя герцогскую решительность.

— Если ты действительно хочешь избежать этой помолвки, я мог бы ее расторгнуть.

— Это весьма благородный жест с твоей стороны. — Геро была тронута словами Максимуса. — Но я абсолютно довольна своей помолвкой.

Он кивнул: